

Л.В. Нургалева

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КОРПОРАЦИЯ В ТЕРМИНАХ МУЛЬТИРАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Целью данной статьи является концептуализация представлений о мультирациональных основаниях коммуникации и некоторых особенностях понимания опытов становления университетской корпорации, связанных с этими представлениями. Разработка идей ведется на основе сетевого дискурса. Мультирациональное понимается как фундаментальная референциальность разных логик человеческого восприятия, мышления, формирующая многообразие оценочных систем и типов наблюдения за динамическими процессами реальности. Мультирациональное соотносится с представлениями о трансверсальном. В качестве примера приводится вариант трактовки теории интересов в контексте обозначенных идей.

Ключевые слова: сетевое взаимодействие, мультирациональные основания человеческой деятельности и коммуникации, трансверсальный разум, университетская корпорация.

Базовые аспекты сетевого мировоззрения

В течение последних десятилетий в недрах многих научных исследовательских направлений и социальной практики активно формируется парадигматика сетевого мышления. Она проявляет себя в самых разнообразных концептуальных и функциональных формах, но наиболее яркое выражение она получила благодаря трансформациям опытов современной коммуникации. Сетевая идеология основывается на представлениях о референциальной связанности всех элементов многоуровневой структуры мира и вбирает в себя широкий спектр представлений, отражающих децентрализованное видение процессов структурообразования. В контекст многих исследовательских направлений вплетена идея многомерности мира как необходимый элемент восприятия сетевой картины мира, соответствующий специфике человеческого мышления как такового. Реальность в подобных описаниях предстает в виде сети взаимообусловленных, корреляционно зависимых объектов. Их референциальная связанность обусловлена самим характером структуризации пространственно-временных отношений в мире. Сетевой подход позволяет также интерпретировать реальность как совокупность циклических коммуникативных процессов, стягивающих многообразие реальностей при помощи сетевых отношений [1, 2, 3]. Он содержит в себе указание на сложность отношений между микро- и макрообъектами мира, резонирующих на разных уровнях. Наличие разных форм многоуровневой связанности многообразных элементов реальности рассматривается в качестве базового условия существования реальности. Результаты информационного взаимодействия и их

свойства исследуются на основе анализа кооперативных отношений – согласованности, синхронизации, когерентности процессов, порождаемых закономерностями сетевой активности. Ощутимую значимость применению сетевого подхода в научном познании придает определенное преимущество, которое возникает благодаря тому, что понимание общих принципов построения и функционирования сложных сетей не зависит от способов их реализации. Это позволяет рассматривать самые разнообразные процессы с единых позиций.

Обобщая, можно сказать, что сетевая парадигма дополняет собой структурно-функциональный подход представлениями об особой пространственной динамике корреляционных связей и отношений многомерного самоорганизующегося мира. Она выдвигает на передний план исследование специфики взаимодействий между социальными объектами и выявление условий возникновения этих взаимодействий. Отсюда вытекает отчетливая ориентация на исследование отношений взаимозависимости, постижение скрытой взаимодополнительности начал мироздания, переходности разных состояний формообразования и т.д.[2] Общеизвестно, что сетевые отношения представляют собой один из наиболее комментируемых, но и одновременно наименее осмысленных феноменов. Как отмечается в работе [3. С. 63], для того, чтобы выстроить новую, сетевую картину мира, «нужны новые образы и представления, новые метафоры и модели, качественно новые концептуальные инструменты». Несмотря на важность и повсеместность сетей, их структура и свойства до сих пор плохо изучены. Поскольку сегодня в общество активно ведется поиск адекватных моделей сетевого взаимодействия, то в исследовательском плане по-прежнему сохраняется актуальность накопления эмпирического материала и концептуальных обобщений по сетевой проблематике. Заметные шаги в этом направлении сделаны такими исследователями, как Д.Бом, Д.Дойч, М. Кастельс, Вирно П., Ф.Маврикиди, В.Тарасенко, В.Аршинов, А.Неккесса и многие другие. Сетевое мышление основано на принципах синергического подхода, противостоящего линейному взгляду на мир. Это определяет новое понимание природы формирования сложных форм знания, несущих в себе свою собственную рефлексивность [2]. Наличие «когнитивных петель» мышления, циклически увязывающих разнообразие ментальных, интуитивных, эмоциональных состояний, событий, действий человека, позволяет более детально описать характер отношений «система-метасистема» и процессов познания, порождающих свое самопознание.

Преимущества сетевого подхода в описании и анализе разнообразных жизненных процессов, событий и феноменов задаются возможностью гибкого сочетания предельно абстрактных понятий и строго конструктивных информационно-коммуникационных моделей. Во многих случаях применение сетевого подхода позволяет выработать более интегративный взгляд на привычные явления, создавая тем самым предпосылки для формирования более полных, гибких и точных

описаний действительности. При этом речь идет не только о формировании онтологий предметного знания, но и о расширении привычных методологических подходов. Сегодня значимость сетевого аспекта более отчетливо осмыслена в связи с расширением поля исследований, посвященных анализу технологических и социально-психологических феноменов, связанных с появлением глобальной коммуникационной сети и междисциплинарным анализом формирующихся на их основе отношений. Это открыло дорогу для развития новых форм анализа форм и отношений в социальном мире, пониманию того, что сетевая логика базисной структуры общества является основой его коммуникационной организации [4. С.16].

Как отмечает *Б. Тарасов*, порождающие метаэффекты сетевых практик всё более отчетливо проявляются в человеческом мышлении и социальной практике [5, 6]. Например, распространение сетей коммуникации и средств сетевого моделирования формирует распределенный взгляд на мир, обеспечивая расширение средств анализа динамик пространственно-временных распределений в описаниях мира. К их числу объектов исследования на основе сетевого подхода можно отнести и процессы формирования современных университетских корпораций, переживающих на себе сегодня влияние трансформаций языков в системе описания мира, восприятия и интерпретации базовых ценностей, коммуникационном обеспечении образовательного пространства, понимании многих аспектов социального взаимодействия и т.д.[7] В данной работе мы акцентируем внимание на описании оснований деятельности университетской корпорации. Речь идет об анализе мультирациональных оснований человеческой активности и коммуникации. Они воспринимаются в данном контексте как генетический принцип, наиболее адекватно выражающий характер социально-психологических связей и отношений, исторически проявляющих себя в процессах становления университетских корпораций. Становление современных отношений в университетской среде происходит в условиях, когда многие аспекты социального развития, воспринимаются через анализ специфики коммуникативной онтологии и феноменологии. При этом организация коммуникации в содержательном и формальном аспекте выражает собой результаты практического и концептуального опыта осмысления связей, отношений, корреляций, порождаемых по ходу взаимодействия людей между собой, с природными и социальными объектами, и, что не менее важно, результаты анализа оснований собственной деятельности.

Университет в контексте сетевого видения

Университеты как генераторы идей и образов в обществе, их научные репрезентанты являются той символической моделью, которая может строиться на основе сетевой логики описания событий реальности. Учитывая тот факт, что университеты являются элементами сложноорганизованной социальной сети, мы начнем размышление с ответа на вопрос о том, как может быть описана социальная реальность с точки зрения определяющих позиций сетевой парадигматики и с учетом специфики такого социального института, каким является университет? Одним из возможных вариантов ответа является трактовка, позволяющая описывать социальную реальность как дискурсивное сетевое пространство, формирующееся в процессе усложнения коммуникационных взаимосвязей и отношений, обусловленных когнитивной эволюцией человека. Именно такое определение позволяет рассматривать феноменологию университета в её исторической перспективе и не терять из поля зрения его принципиальной значимости как института социального воспроизводства знаниевых структур и поведенческой модели человека определенного типа. Нужно сказать, что подобный исследовательский ракурс ускользает от внимания в том случае, если социальное пространство описывается как систематизированное пересечение связей, объединяющих субъектов (социальных акторов) и имеющих разную силу активации [8, 9]. Э.Дюркгейм рассматривал социальную реальность как сеть невидимых связей, образующих пространство, складывающееся из внешних по отношению друг к другу позиций, характеризующихся референциальными связями, беря во внимание взаимное расположение, близость, удаленность и т.д.

Университет как сетевая модель, поддерживающая логический каркас системы социальных отношений через передачу и производство знаниевых структур, организацию компетентного эксперимента и научного обобщения идей обнаруживает принципиальную открытость изменениям социальных структур. Университет обеспечивает включение специфичных механизмов восприятия реальности, её осмысления и совершенствование методологии преобразования различных информационных потоков в обществе, способствуя проявлению разных граней дискурса и поддерживая одновременно континуальность единой семантической матрицы. Наука с этой точки зрения рассматривается как самоорганизующаяся перцептивно-понятийная сеть. Или обучение воспринимается некоторыми исследователями коннективистски, как процесс создания сети, узлами которой являются внешние сущности – люди, организации, базы данных, библиотеки, сайты или любой другой источник информации. Однако этот взгляд на формирование сетей в образовательной среде следует считать достаточно схематичным. Это связано с тем, что основу сетевого взаимодействия составляют сложные дискурсивно-семантические механизмы коммуникации, функционирующие в своей основе как сети межличностного взаимодействия. Сколь бы значимыми не являлись межуниверситетские связи, внутри и внеуниверситетская системы управления и

взаимодействия, но их основу составляет общение между преподавателями и студентами, которое соответствует корреляционной логике эгосетей. С этой точки зрения представляет несомненный интерес разностороннее изучение опытов формирования университетских корпораций с точки зрения применения новых способов организации эффективной коммуникации. Однако и этот уровень нельзя считать базовым. Основу подобных процессов составляет более глубокие психологические корни. Сетевые аспекты информационного моделирования создают условия для видения множества порождающих аспектов взаимодействия человека с миром и восприятия индивидуального сознания как системы множественных реальностей.

Феноменологию университетской практики составляют процессы развития практик научного видения реальности. Наука задаёт упорядоченные состояния (формулы, законоподобные высказывания, описания, истолкования телесно воплощенных и символически всевременных актов), опираясь на преимущества специальным образом организованного пространства наблюдений, где процессы порождения мира и субъекта являются равновеликими и тождественными [10, 11, 12]. Накопление суммы знаний в науке является одним из способов восприятия человеком себя как уникального локуса в процессах преобразования мира. Человек ввергнут в бесконечность самооснования свободного действия, не имеющего в своем горизонте никакого завершённого, готового мира. Научное знание является формой концептуального контроля за динамикой изменений. Перевод мира в символическую действительность является приёмом науки, целью которой является разработка суждения о реальности. Стремление от свободного действия к полному действию открывает бесконечное, которое является протоплазмой синтеза, источником своих собственных определений, а для человека способностью формировать мир. Человечество в науке, искусстве и других формах социального взаимодействия изобрело своего рода экстатические машины, переводящие человека в более интенсивный регистр жизни, условием которой является структурированная форма его возможного состояния, его способностей. Основу таких описаний в формате сетевых моделей могут составлять упомянутые выше упорядоченные психологические состояния, выраженные в формулах, высказываниях, описаниях и обобщениях и т.д.

Первичность преобразований мира человека в научной деятельности является основным смыслом, ценностью и целью развития, проектом воссоздания тех состояний, перед лицом которых человек оказывается способным изменить самого себя. Подлинная реализация человеческого назначения связана со свободным изменением своего сознания. Под свободным изменением понимается «выпадение из естественных качаний динамики между причиной и следствием», где бессознательное выступает наисознательнейшим. Наука, поддерживаемая традицией университетской корпорации, подчиняется «пульсациям переосознаний», законам жизни структур

сознания [10.С. 184]. Человек воспринимает изменение мира через отличие состояний сознания, и в познании внешнего мира, также как и в реализации жизненных стратегий, человек обеспечивает высвобождение истоков «я» (знать себя, скрытое, глубинное неизвестное - не в мире, а в себе). «Экстазируя, усиливая возможности и состояния человеческого психического аппарата, они переводят его в другое измерение, в другой способ бытия, лежащий вне отдельного человека и к тому же являющийся более осмысленным и упорядоченным, чем сам эмпирический человек» [12]. Выстраивая модели мыслительных процессов с учетом допущений и выявления начал бытия, человек формирует иерархии устойчивых уровней содержания сознания, видов допустимых трансформаций себя, которые могли бы выступать средством управления. Обратимые, контролируемые процессы, связанные с реализацией количественных и качественных оценок событий реальности, служат основой формирования эффективных систем мысли, на формирование которых направлены усилия университетских корпораций. Психологическую основу подобных процессов составляет усложнение восприятия человеком собственного внутреннего мира, развиваемого процессами рефлексивной координации. Вопрос и разработке методологии создания эффективных систем мысли в новых условиях особенно актуален сегодня, когда всякий университет сталкивается с необходимостью определения собственного места в современном динамизирующемся пространстве коммуникации. Оно представляет собой усложняющуюся структурную реальность, к которой не применимы прежние представления об управлении изменениями. Развитие стратегий инструментализма и операционализма в реализации проектов, связанных с организацией человеческого общения, трансформировало сам опыт наблюдений за явлениями реальности, обнажая выраженную дифференцированность логик мышления и восприятия. Нарращивание опыта по обмену персонифицированной информацией способствует интенсивному развертыванию новых форм соорганизации человеческой деятельности, создает предпосылки для расширения поля наблюдений, касающихся онтологии, когнитологии и феноменологии коммуникации, а значит и за особенностями развития пространственно-временных отношений как источника когнитивных сдвигов, порождающего новые социальные эффекты в повседневной практике, науке и культуре [13].

Мультирациональная модель в сетевом описании социальной коммуникации

На сегодняшний день представляет несомненный интерес обсуждение тенденций в современной культуре и науке, связанных со следованием принципам эмансипации рациональности. Методология интегрального антрополого-коммуникативного понимания подобных процессов тесно связано с анализом опытов формирования самих университетских корпораций в обществе и со спецификой их активности в конкретную историческую эпоху. Радикальный конвенционализм как априорное

основание современных способов концептуализации социальности и основной ресурс социальных значений оказал свое влияние и на способы формирования современных моделей университетской корпорации. Он выразился, в том числе, и в их приверженности к развитию новых научных методологий, освоению дистанционных форм образования, разработке новых подходов к организации коммуникации в образовательной среде и трактовке отношений, формирующихся в процессе обучения и развития человека. Как показывает практика, организация пространства электронных коммуникационных связей по существу явилась процессом выявления способов формирования разнообразных структур социального взаимодействия, что отразилось и характере изменений тех отношений, которые исторически складывались в сетевом пространстве университетских корпораций. Рассмотрим вопрос о том, как может трактоваться подобное описание процессов с точки зрения мультирационального дискурса, понимаемого как важный аспект сетевой парадигматики и одно из важных условий расширения границ исследования природы рационального в целом. В данном случае особое внимание уделяется возможностям исследования оснований коммуникативной теории и практики в современной культуре, включая и специфику формирования университетских корпораций. Думается, что эта тема является важным элементом в разработке сетевого подхода к изучению трансформаций современной культуры и общества.

Важные теоретические аспекты мультирационального дискурса были сформулированы в условиях кризиса рациональности. Гносеологическая ситуация по развертыванию философского, методологического и научного типов рациональностей всё в большей степени разрушала идею единства разума. Если прежде самым значимым звеном суждений являлся вопрос о том, какие качества разума делают возможной достижимость понимания, то теперь на первый план выдвинулась идея о том, что любая система наблюдений предполагает в качестве собственной предпосылки достраивание логики мышления другого. Идея целостного разума в науке последних десятилетий конвертирована в идею, позволяющую признать независимое множество типов рациональностей и исследовать основания их дивергенции подобно тому, как это делается в естественно-научных исследованиях. Это создает предпосылки для реализации принципов сетевого метода в изучении специфики коммуникативных процессов, определяющих стратегии развития университетских корпораций. В этом контексте можно определить коммуникацию как общность процессов, образующих пространство сосуществования дискурсов разных порядков – общих теоретических трендов и зачаточных микродискурсов повседневности, проявляющих себя в самых разнообразных формах и видах общения. Становится все более очевидным, что само наличие «микро- и макроформ рациональности» (существование разновидностей восприятия, суждения, организации мышления и опыта) выступает самостоятельным источником культурных значений и предпосылкой

эволюционирования социальных отношений. Оно демонстрирует, основу общения составляет не имеющий завершения дискурсивный процесс. Он служит средством координирования принципиально расходящихся идейных позиций в условиях «непрозрачной» рациональности.

Понятие «мультирациональность» было введено в научный оборот на основе анализа практик наблюдения за социокультурными изменениями и соответствующими им стратегиями действия и мышления в современном обществе [14]. Контекст мультирациональности более объемно обнаруживает себя на фоне признания структурного разнообразия типов рационального отношения к действительности, вытекающего из специфики видения мира конкретным человеком, сформированной не только социальными и культурными условиями его развития, но и выбираемыми стратегиями действия. Мультирациональное воспринимается, в первую очередь, как совокупность способов идеализации разных аспектов реальной жизни, выражающая некий метапринцип совмещения разных логик, объективирующих взаимосвязь всех форм человеческого опыта. Собственная логика, если её рассматривать с процессуальных позиций, – это практика перемещений между разными парадигмальными схемами, доступными познающему разуму. *В.Библер* отмечает, что «логика развертывается не только в самообосновании, но и во взаимообосновании различных логик» [15. С.23]. Взаимодействие и взаимопорождение логик обеспечивается чем-то, превосходящим мыслительную деятельность.

Генезис мультирационального может исследоваться как процесс различения наблюдения и действия. Будучи включенным в кристаллизованном состоянии в динамику интересубъективных отношений разные формы рационального проявляют способность к порождению коммуникативного действия – действия, опосредованного значениями [16]. Наличие когнитивно-эмоциональных элементов, витальных чувств, мотивационных структур, сопровождающих коммуникативное действие, является тем «субстратом», который позволяет поддерживать и усложнять «фактуру» переходов в процессе осмысления разнообразных форм человеческой активности. Эволюция сложной сетевой структуры перцептивно-логических отношений в обществе и культуре, обладающих разными параметрами идеализаций, методами абстрагирования, логической базой аргументации, разнообразием коммуникационных связей и отношений, является результатом непрерывной трансформации смысловых элементов общения, определяющих свое место в контексте событий и стимулирующих перцептивные действия мышления.

«Свое» и «универсальное» рациональное существуют как опыт границы, который открывает возможности идентифицирующего мышления и стимулирует тем самым процесс его изменений. Как отмечает *А.Назарчук*, универсальная логика предполагает иную логику и всегда существует в полемике с другими логиками [17.С.246]. Реальность рассматривается как трансцендентальное

условие единства партикулярных горизонтов, образующих собой пространство социального: мир – это то, что заставляет социальных субъектов обеспечивать консенсус, не только формировать, но и преодолевать границы рационального в собственном мышлении и в актах общественного познания. Категория объективности при этом преобразовывается в рефлексивность и диалогическую ангажированность. Этот концептуальный подход позволяет показать необычайную сложность референциальных отношений, определяющих специфику коммуникационного действия. Гарантия достижения трансцендентного смысла отсутствует, так как логика изменения коммуникационных связей во многих аспектах уникальна. Она подчинена процессам сопряжения разных эмпирических репрезентаций и трансцендентальных условий, выступая принципом сохранения континуума смысла. Как мы видим, важным методологическим аспектом мультирационального подхода является не только признание поливалентности рациональности в науке, но возможность акцентирования внимания на процессуальных аспектах коммуникации.

Мультирациональное выступает основанием свободного кооперирования разных логических типов и форм в условиях ситуационной неопределенности, присущей человеческому существованию. Такое видение открывает простор для расширения пространства наблюдений для изучения сложной комбинаторики связей и отношений, возникающих в процессе передаче знания. Оно позволяет исследовать процессы, порождающие разнообразие логик мышления, принципов действия, общие закономерности трансформации и консолидирования идей в их корреляционной взаимосвязи. Чем они обусловлены? Вопрос о генезисе мультирационального дискурса может исследоваться в разных тематических плоскостях. В качестве основания может лежать изучаться комбинаторная сложность разных топосов восприятия и оценки реальности, формируемая физиологическими, психологическими и культурными особенностями личности, ситуационным характером её действий в обществе и в жизни. При этом фундаментальное значение имеет опыт изучения методов «скрещивания» логик мышления в процессе человеческого общения.

Трансверсальное и мультирациональное

Проблема сосуществования рациональностей является центральной в исследованиях В.Вельша [18.С.102-113]. Он развивает свои идеи вокруг термина «трансверсальный разум», роль которого заключается в соорганизации множественных типов рациональностей. Это видение соответствует процессуальным представлениям о сущности мультирационального. Трансверсальное позволяет тематизировать импликации, глубинные структуры, поперечные взаимосвязи, различного рода заимствования и аналогии, которые образуются между рациональностями, реализующими себя в партикулярной перспективе [19]. Понятие «трансверсальный разум» фиксирует внимание на наличии

переходов от одного культурного типа рациональности к другому, их принципиальной связанности. В.Вельш отмечает, что обнаружение переходов между разнородными парадигмами заставляет разум действовать диалектически. Природа его единства в движении идей, подчинении логике связанности, выявления различий и согласованности. При этом трансверсальное объявляется гносеологически нейтральной сущностью, находящейся вне зоны содержательного самоопределения коммуникации. Опыт тематической специализации знания не охватываются представлением о трансверсальном. Оно является проекцией отношений чисто логического характера, указывая на сущность парадигматической систематики.

В.Вельш подчиняет свое видение идее целостности разума, показывая, что непостижимость его бесконечной конкретности имеет определенную динамическую основу. Процессы дивергенции рациональностей – расхождения их главных признаков в процессе социальной эволюции – становятся возможными благодаря тому, что трансверсальный разум не допускает синтеза противоположностей или устранения различий. Его функция заключена в аналитической универсальности. Она проявляется в переводе рациональностей из просто рассудочной формы в разумную. Как фундаментальный посредник мира партикулярных рациональностей, разум поддерживает их взаимную зависимость и переплетение, бесконечно реконструируя связи и отношения. Каждая из рациональностей являет собой альтернативу для других и тем самым находится с ними в отношениях контингенции. Трансверсальный разум выступает средством установления всеобъемлющего предельного единства всех возможных форм рациональностей. В.Вельш склоняется к такой универсалистской трактовке, показывая, что в современных условиях плюралистического видения тождество субъектов выражается трансверсальностью. Содержание современных дискуссий о субъекте больше не является вопросом о рефлексивном открытии самости или дорефлексивном обладании самостью. В центре оказывается проблема внутреннего плюрализма и возможной трансверсальности. Как отмечает С.Чукин, эта идея ориентирована на раскрытие главных свойств субъективности. Они определяются проницаемостью – способностью к переходам от одного типа рациональности к другому [20]. Проницаемость характеризует наличие универсального основания коммуникации, которое обеспечивает способность понимать друг друга, развивать способности комбинаторного управления множеством фиксированных признаков, граней или модусов знания, стимулировать личностную самореализацию.

Остановимся на одном из примеров, связанных с изучением особенностей стимулирования коммуникации. На наш взгляд, он может служить иллюстрацией сетевой модели формирования мультирационального дискурса. Открытость современных систем коммуникационного взаимодействия создает предпосылки для более свободной реализации человеческих интересов, но и

является одновременно источником новых социальных, культурных, психологических противоречий. Эта проблема относится к вопросам управления ресурсами развития современного человека, столь актуальным в настоящий момент времени для разработки стратегий развития университетских корпораций. Интерес может рассматриваться в этом контексте как фактор, определяющий успешность выбора оптимальных коммуникационных моделей и форм социального взаимодействия. Стратегии поддержания интереса к тому или иному предмету определяют особенности формирования символически замкнутых общин, интересубъективных сетевых субкультур, персональных микросетей, сущность которых составляет взаимная стимуляция воображения. Понимание природы стимулирования интересов является одним из важных аспектов понимания места и роли университетских сетей в общей системе производства знания и образования человека. Что лежит в основе динамики человеческого интереса? Ограничимся указанием на рефлексивную природу восприятия человека. Социальный запас знания представляет повседневный мир как интегрированный, но аналитичность Я-сознания проявляется в индивидуализации восприятия реальности и оценке её явлений. Она также отчетливо проявляется в спонтанной или управляемой динамике человеческих интересов, которая приводит к бесконечной дезинтеграции этих представлений. Это делает возможным развитие научных представлений о реальности, искусства, поиске моделей поведения и т.д. Исследование закономерностей позиционных перемещений индивидуальных и групповых интересов играет важную роль в процессе становления всех форм и средств социальной коммуникации. Рассмотрение процессов смещения интересов, возникающих по ходу развертывания коммуникативных процессов, требует включения в анализ наряду с представлениями об синергичности, эмерджентности, случайности, вероятности социально-психологических оснований человеческой активности, аспектов мультирациональной когеренции мыслительной деятельности человека. Свободное смещение смысловых акцентов в процессе коммуникации, возникающее как аспект реализации интересов людей, обусловлено особенностями их психофизиологической, межтелесной, межличностной активности и рефлексивной координации. Природное своеобразие мышления определяется контингенцией оценок реальности (трансверсальный аспект), способностями к её адекватному осмыслению. На наш взгляд, одной из наиболее удачных концепций, отражающих сложность рефлексивного действия, является трактовка К.Яновича [21. С.58]. Рефлексия понимается им как полипроцессуальное образование, синтезирующее в себе некую целостность метапроцессов и метакачеств, не тождественных рефлексии в целом, а лишь репрезентирующих её в той или иной степени. Сами механизмы корреляции устойчивых рефлексивных матриц в сознании человека требуют специального исследования, но предложенное описание соответствует пониманию мультирациональности и трансверсальности как оснований

коммуникационной деятельности, ситуативной адаптации мышления. Однако вопрос об особенностях реализации человеческих интересов как энергичной стимуляции человеческой активности остается открытым. Вместе с тем он является принципиальным для разработки моделей управления образовательным пространством и исследовательскими практиками университетской корпорации.

Выводы

В современной теории и практике сформированы предпосылки для изучения фундаментальной референциальности разных логик, оценочных систем, формируемых внутри коммуникационного пространства сетевого взаимодействия. Они могут оказывать важное влияние на формирование стратегий развития университетских корпораций. Включение в их разработку понятия «мультирациональность» может характеризовать базовые координационные механизмы генерации знания в обществе и всего разнообразия его дискурсивных форм. Оно позволяет рассматривать в качестве референтных совокупностей, порождающих смыслы и наполняющих коммуникацию стратегиями действия, множественность форм восприятия, анализа и описания реальности. Мультирациональное как условие синтеза коммуникативных практик позволяет концептуально зафиксировать наличие разных топосов рациональности и их координационную соотнесенность. Описание такого рода является необходимым элементом разработки общей стратегии развития университетских корпораций в эпоху глобализации, способствующих содержательной экспликации опыта человеческих наблюдений и их продуктивному развитию в лоне университетских корпораций

Литература

1. Морен Э. Метод. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 40-41.
2. Аршинов В. На пути к коммуникативной Вселенной солидарности и альтруизма// Антропокосмическая модель. Тула: Репроцентр, 2008. С. 150-173.
3. Сфирот познания. М.: ЛКИ, 2007. С. 63.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика. Общество и культура. М.: Blackwell, 2000. 606 с.
5. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 176с.
6. Тарасов, В.Б. От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика. М.: УРСС, 2002. 348 с.
7. Университет как центр культуропорождающего образования. Изменение форм коммуникации в учебном процессе. Минск: БГУ, 2004. 279 с.

8. Рябов Г.Г. К разработке методологии формирования систем искусственного интеллекта // Искусственный интеллект в XXI веке: тр. междунар. конгресса, 3-8 сентября 2001г., п. Дивноморское. М.: Физматлит, 2001.
9. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход. М.: Вильямс, 2006.
10. Мамардашвили М.К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). М.: Языки русской культуры, 1997. 304 с.
11. Мамардашвили М.К. Возможный человек [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mamardashvili.ru/index.php?texts/interwiev/human.htm>
12. Мамардашвили М. К. Наука и культура [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mamardashvili.ru/index.php?texts/interwiev/nauka.htm>
13. Лукина Н.П. Социокультурный синтез в конституировании образа современной науки: диссертация ... доктора философских наук : 09.00.01. Томск, 2002. 204 с.
14. Исаев А.Н., Шишко О. Медиа культура, политика и социум: мат-лы международного симпозиума «Pro&Contra» медиа сознание / современная культура / медиа технология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.artinfo.ru/eva/EVA2000M/eva-papers/200005/Isaev-R.htm>.
15. Библер В. От наукоучения – к логике культуры (Два философских введения в двадцать первый век). М.: Изд-во политической литературы, 1991. 413 с.
16. Хабермас Ю. Познание и интерес // Философские науки. 1990. № 1. С.90-99.
17. Назарчук А.В. теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.
18. Вельш В. Трансверсальность. Трансверсальный разум и разум вообще. Харьков: Изд-во ун-та внешнего права, 1998. С.102-113.
19. Кузьмин А.А. Трансверсальный разум как базовая ценность современной культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novsu.ru/file/26793>.
20. Чукин С.Г. Перспектива приходской колокольни против статуи Свободы: к полемике между коммунитаристами и ролзовцами. // Политическая концептология. 2010. С.103-135.
21. Янович К. Я-концепции в соотношении к уровням развития рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. Т.7. 2007. № 2. С.58.